

выявлены только три случая проведения этого следственного действия. Представляется, что сложившееся положение вещей во многом обусловлено недостатками законодательной регламентации освидетельствования, которые часто не позволяют в полной мере реализовать его потенциал.

Одним из таких недостатков является невозможность производства рассматриваемого следственного действия до проведения судебно-медицинской экспертизы. Данное правило содержит ч. 1 ст. 206 УПК Республики Беларусь, согласно которой для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, *если для этого не требуется проведения экспертизы* (курсив наш. – Ю.Ш.), может быть проведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего в случае совершения в отношении его тяжкого или особо тяжкого преступления. Указанное требование закона представляется дискуссионным, так как оно в значительной мере снижает потенциал применения освидетельствования в уголовном процессе. В некоторых случаях с момента причинения телесных повреждений до проведения судебно-медицинской экспертизы проходит большой промежуток времени, в результате чего на теле человека может не только не остаться телесных повреждений, но и их следов, что сделает бесполезным назначение судебно-медицинской экспертизы и невозможным принятие объективного решения по уголовному делу. По сути, единственным способом фиксации следов преступления, телесных повреждений на первоначальном этапе расследования является освидетельствование, но его проведение невозможно, если в дальнейшем по делу будет назначена судебно-медицинская экспертиза. Таким образом, уголовно-процессуальный закон блокирует применение эффективного средства собирания и фиксации доказательственной информации, поэтому некоторые следователи и дознаватели вынуждены либо «изобретать велосипед», прибывая к материалам уголовного дела фотоснимки с изображениями телесных повреждений, имеющихся на теле освидетельствуемого лица, либо, нарушая закон, проводить освидетельствование до назначения судебно-медицинской экспертизы. В этой связи представляются интересными результаты анкетирования 380 следователей и дознавателей органов внутренних дел Республики Беларусь: 42 % респондентов указали, что в их практике возникала необходимость назначить и провести судебно-медицинскую экспертизу после проведения освидетельствования. Все это свидетельствует о необходимости проведения рассматриваемого следственного действия до назначения судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, можно сделать вывод о целесообразности исключения из ч. 1 ст. 206 УПК слов «если для этого не требуется проведения экспертизы» и изложения первого предложения рассматриваемой нормы в следующей редакции: «Для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, может быть проведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего в случае совершения в отношении его тяжкого или особо тяжкого преступления». Данные изменения позволят должностным лицам органов уголовного преследования фиксировать телесные повреждения, следы преступления на первоначальном этапе расследования, исключив возможность потери связанной с ними доказательственной информации, а также будут способствовать более эффективному проведению судебно-медицинской экспертизы и формулированию экспертами объективных выводов. Все это в совокупности оптимизирует процесс расследования в целом и будет способствовать решению задач уголовного процесса, в качестве которых ст. 7 УПК Республики Беларусь называет защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, избличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

М.М. Якубель

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ НАЧАТО ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, основываясь на Конституции Республики Беларусь, устанавливает порядок деятельности органов, ведущих уголовный процесс, а также права и обязанности участников уголовного процесса. Глава 46 УПК посвящена производству по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения. Анализ содержания указанной главы показывает, что в ней законодатель закрепляет лишь некоторые особенности указанного вида производства, не формулируя его концептуальных основ и системы процессуальных гарантий прав и законных интересов его участников. Наиболее актуальной эта проблема видится в аспекте процессуального положения лица, в отношении которого начато производство о применении принудительных мер безопасности и лечения.

По смыслу закона с момента установления факта совершения лицом, находившимся в состоянии невменяемости, общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, либо возникновения у лица психической болезни после совершения им преступления производство по уголовному делу ведется по правилам производства о применении принудительных мер безопасности и лечения, а лицо, совершившее общественно опасное деяние, перестает пребывать в положении подозреваемого либо обвиняемого и приобретает специфическое процессуальное положение. Особенность этого положения в том, что оно обусловлено наличием у

лица психического заболевания, которое выводит его за границы уголовно-правового понятия «субъект преступления» и, соответственно, требует особого процессуального подхода к такому лицу.

В юридической литературе вопрос правового статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, обсуждался и ранее. Так, некоторые авторы высказывали идеи о том, что этот участник уголовного процесса в ходе производства по уголовному делу может обладать правами и обязанностями свидетеля либо сохранять за собой правовой статус обвиняемого. Такие суждения представляются нам несостоятельными, так как не решают поставленного вопроса, а сводятся к процессуально необоснованной подмене статусов участников уголовного процесса. В научной среде существуют и другие точки зрения по этому вопросу. По мнению М.С. Строговича, лицо, совершившее общественно опасное деяние, вообще не может быть наделено процессуальными правами. Безусловно, психическое заболевание, которым страдает лицо, может минимизировать его уголовно-процессуальную дееспособность. Однако этот факт не исключает необходимости, с одной стороны, осуществлять государственную защиту такого лица, обеспечивать его права и свободы, а с другой – предъявлять к нему соответствующие его положению требования, т. е. наделить правами и обязанностями. Конечно, процессуальный статус такого субъекта будет носить специфичный характер и иметь существенные отличия от статусов других участников уголовного процесса. Не претендуя на комплексное освещение поставленного вопроса, хотелось бы рассмотреть некоторые значимые, на наш взгляд, положения, касающиеся процессуальных прав и обязанностей лица, совершившего общественно опасное деяние.

Право на защиту выведено законодателем на первую позицию при определении правовых статусов подозреваемого и обвиняемого. Казалось бы, оно должно быть присуще и лицу, совершившему общественно опасное деяние, ведь в соответствии с положениями п. 9 ч. 1 ст. 6 УПК Республики Беларусь под защитой понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной защиты в целях опровержения подозрения или обвинения либо смягчения обвинения, обеспечения прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние. Однако в п. 41 ч. 1 указанной статьи законодатель не относит лицо, совершившее общественно опасное деяние, к понятию «сторона защиты», включая в ее состав лишь обвиняемого, его законных представителей, защитника, гражданского ответчика и его представителя (тем самым законодатель устраняет рассматриваемое лицо от возможности активно осуществлять свою защиту, а оставляет такое право только защитнику). Более того, давая в ч. 1 ст. 44 УПК определение понятия «защитник в уголовном процессе», законодатель определяет его как лицо, которое по основаниям и в порядке, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывает им юридическую помощь. Следовательно, защитник, будучи включенным в понятие «сторона защиты», по своему определению не призван законодателем осуществлять защиту прав и законных интересов лица, совершившего общественно опасное деяние. Таким образом, в действующем законодательстве с позиции рассматриваемого производства не соотнобразуются понятия «защита», «сторона защиты» и «защитник». При дальнейшем рассмотрении имеющихся правовых норм становится очевидной и правовая коллизия между положениями ч. 1 ст. 44, дающей определение защитника, и ч. 1 ст. 44б, указывающей на обязательность участия защитника в судебном разбирательстве по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения. Из содержания этих статей возникает вопрос: каким образом лицо, осуществляющее защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывающее им юридическую помощь, может участвовать в судебном разбирательстве дела об общественно опасном деянии невменяемого либо лица, заболевшего психической болезнью после совершения преступления, и каковы функции этого участника судебного разбирательства? В сложившейся ситуации объективно необходимой видится некоторая унификация рассмотренных правовых норм.

Также существенным и необходимым представляется законодательное закрепление права лица, совершившего общественно опасное деяние, знать о причине начала в отношении его производства о применении принудительных мер безопасности и лечения (по аналогии с правом подозреваемого (обвиняемого) знать, в чем он подозревается (обвиняется)). Данная правовая норма может быть введена в закон как альтернативная и принимать обязательный характер лишь в случае, когда психическое состояние лица, совершившего общественно опасное деяние, не исключает возможности проведения следственных действий с его участием.

Ряд вопросов возникает и с определением процессуальных обязанностей лица, совершившего общественно опасное деяние. Целесообразно ли вообще обсуждение понятия уголовно-процессуальных обязанностей применительно к лицу, волевой аспект в поведении которого поставлен под сомнение? Ответ на этот вопрос видится в закреплении нормы диспозитивного характера: в случае если психическое состояние лица свидетельствует о том, что оно в некоторой степени способно понимать свои действия и руководить ими (при условии, что субъектом, осуществляющим производство предварительного следствия по делу, принято решение о возможности проведения следственных действий с участием лица, совершившего общественно опасное деяние), оно должно нести определенные обязанности.

С учетом вышеизложенного видится очевидным, что отсутствие системно сформулированного в УПК процессуального статуса лица, в отношении которого начато производство о применении принудительных мер безопасности и лечения, неизбежно ведет к нарушению конституционно закрепленных прав и свобод гражданина. Описанные вопросы, как представляется, требуют комплексного изучения и разработки в целях ликвидации существующего правового пробела и создания научно обоснованной базы для оптимизации уголовно-процессуального законодательства в области правовой регламентации положения участников уголовного процесса.